



Анастасия Инжиевская

«КОД ДОСТУПА: 2007»

Анастасия Инжиевская

«КОД ДОСТУПА: 2007»

<https://litres.ru/74088219>

SelfPub; 2026

Аннотация

Игорь умер в 2025 году обычным неудачником, но очнулся в своем теле в 2007-м. Зная всё о грядущих кризисах, он решает взломать саму жизнь. Но что, если его возвращение — не случайность, а жестокий тест, поставленный его собственным отцом? В мире, где за каждым СМС стоит тень из будущего, Игорю предстоит понять: какова истинная цена Кода Доступа?

Содержание

Глава	4
ГЛАВА 1.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анастасия Инжиевская «КОД ДОСТУПА: 2007»

Глава

ОТ АВТОРА

Каждый из нас хотя бы раз просыпался посреди ночи с мыслью: «Если бы я мог вернуться и сказать себе тогда те самые слова...».

Эта книга — не просто фантазия о путешествии во времени. Это попытка разобраться, что важнее: миллионы на счету, полученные благодаря знанию будущего, или человечность, которую так легко потерять, превращая жизнь в шахматную партию.

Спасибо, что решились пройти этот путь вместе с Игорем Волковым.

Помните: меняя прошлое, вы неизбежно стираете того себя, который в это прошлое вернулся.

ГЛАВА 1.

Смерть в 2025 году не имела ничего общего с теми образами, которыми её привыкли наделять — ни запаха ладана, ни влажной тяжести земли, ни даже той торжественной тишины, которую обычно приписывают последнему мгновению. Она была лишена всего этого. У неё был другой профиль, куда более будничный, почти оскорбительно простой: перегретый пластик системного блока, выдохшийся кофе из автомата с привкусом жжёного сахара и та самая пыль, которая не оседает — она врастает в пространство, становится его частью, как мебель, как стены, как люди, которые годами сидят в одних и тех же позах. Я сидел в кресле — дешёвом, с треснувшей дерматиновой обивкой, из которой местами выглядывала сероватая ткань — и смотрел в монитор, где равнодушно прокручивались строки отчётности. Цифры складывались в формулы, формулы распадались на ячейки, ячейки соединялись в таблицы — всё это работало безупречно, с математической точностью, и именно в этой безупречности было что-то окончательно мёртвое. Потому что за этим не стояло ничего. Ни смысла. Ни движения. Ни даже иллюзии того, что всё это куда-то ведёт.

Мне было сорок два.

И если бы меня попросили определить свою жизнь, не вдаваясь в подробности, я бы выбрал единственное слово,

которое честно отражало её суть: отчёт. Не как метафору — как точное определение. Последовательность действий, сведённых в цифры, лишённых контекста, очищенных от эмоций до состояния, в котором остаётся только сухой итог. За плечами остались два развода, съёмная квартира, в которой даже стены не успевали стать своими, и кредит за машину, требующую внимания чаще, чем я был готов его давать. Всё это не складывалось в трагедию — слишком мало драмы, — но и жизнью это назвать было невозможно. Скорее, затянувшаяся пауза между событиями, которые так и не произошли. Боль появилась почти незаметно. Не как сигнал тревоги, а как случайное вмешательство — лёгкий, незначительный укол в области груди, на который можно было не обратить внимания. Я и не обратил. Потянулся за кружкой, собираюсь сделать глоток уже остывшего кофе, и только в этот момент понял, что рука движется неправильно — медленно, с задержкой, словно команда до неё доходит через помехи. Она перестала быть полностью моей.

— Игорь, ты отчёт по ликвидности доделал?

Голос начальника донёсся из-за перегородки, но в нём не было привычной резкости — он звучал приглушённо, будто между нами внезапно появилась толща воды, и слова теряли форму, не долетая до адресата. Я попытался ответить, но столкнулся с неожиданной проблемой: между намерением и действием возникла пустота. Рот открылся, но вместо слов из горла вышел только сухой, беспомощный звук. И в эту се-

кунду боль перестала быть фоном. Она развернулась. Не постепенно — сразу, целиком, как если бы кто-то внутри меня включил механизм, к которому я не имел доступа. Она не просто усилилась — она заняла всё пространство, вытеснив остальное: мысли, ощущения, саму способность фиксировать происходящее. Мир начал терять устойчивость. Экран перед глазами распался на световые пятна, цифры перестали быть цифрами, превратились в бессмысленное движение. Где-то рядом задвигались люди, кто-то резко встал, кто-то что-то сказал — но это происходило уже в другой системе координат, в которой меня не было. Сознание не отключалось — оно уходило. Спокойно. Без паники. Без сопротивления. Как будто я больше не удерживал его. Последним, что осталось в фокусе, был мигающий курсор в пустой ячейке Excel — идеально точный символ того, чем, по сути, и была моя жизнь: место, которое должно было быть заполнено, но так и осталось пустым.

Темнота не была пустой. В ней возник звук. Резкий, назойливый, механический — настолько чужеродный в этом ничем не обозначенном пространстве, что он воспринимался почти как вторжение. Он не просто звучал — он раздражал, требовал внимания, вытаскивал из небытия за шкирку. Потребовалось несколько секунд, чтобы сознание догнало тело. «Nokia Time». Я открыл глаза — резко, почти с усилием — и тут же зажмурился: свет ударил слишком ярко,

слишком живо, не оставляя пространства для адаптации. Но это был не тот выжженный, мёртвый свет офисных ламп, к которому я привык. В нём было тепло. В нём было движение. Он не освещал — он существовал. Я лежал на тахте. Мысль не сформулировалась — она всплыла сразу целиком, как узнавание, от которого невозможно отмахнуться. Та самая тахта, со сломанной пружинной, которая всегда находила одно и то же место — левый бок, чуть ниже рёбер. Я резко сел. Голова отозвалась тяжёлым, вязким головокружением, как будто тело не успевало за происходящим. Я посмотрел на руки — и не сразу понял, что именно не так. Кожа. Слишком гладкая. Слишком новая. Без шрамов. Без следов. Без времени. Пальцы коснулись лица. Щека. Лоб. Неровности кожи. Прыщи. Сердце ударило сильнее — не от физического усилия, а от ощущения, которое не укладывалось ни в одну знакомую модель объяснения. Я поднялся слишком резко, почти врезался в шкаф и уставился в зеркало. Оттуда на меня смотрел я. Но не тот, кем я себя помнил. Лицо было моложе не просто внешне — в нём отсутствовал опыт, который я ощущал внутри. Глаза были шире, чище, не перегружены тем, что обычно накапливается годами. Это не было омоложением — это было возвращение в точку, где ещё ничего не произошло. — Этого не может быть. Голос прозвучал иначе. Слишком лёгкий. Слишком чужой. В этот момент завибрировал телефон. Я повернул голову медленно, почти осторожно, как если бы боялся увидеть что-то, что оконча-

тельно разрушит остатки логики. На столе лежала Nokia — массивная, простая, не имеющая ничего общего с тем, к чему я привык. Я взял её в руку. Вес. Форма. Реальность.

Я смотрел на цифры дольше, чем следовало бы.

Не потому что не мог прочитать.

Потому что не мог согласиться с тем, что вижу.

25 мая 2007 года.

Сознание попыталось найти объяснение — привычное, логичное, хоть какое-то — но вместо этого наткнулось на пустоту. Ни одной версии, которая выдерживала бы проверку реальностью. Ни одного сценария, в который можно было бы поверить хотя бы на секунду.

Телефон в руке коротко завибрировал.

Резко. Настойчиво.

Я вздрогнул сильнее, чем должен был. Словно этот звук окончательно закреплял происходящее.

Я опустил взгляд.

Сообщение.

«Волк, ты где, баклан? Мы с Дыней уже у палатки, берём Балтику-3. Приходи быстрее, пока Стас всё не вылакал. Сегодня ж линейка, надо зажечь!»

Пальцы непроизвольно сжались сильнее.

Дыня.

Имя всплыло не как слово — как пласт воспоминаний, который я давно похоронил. Смех, дворы, дешёвое пиво, разговоры ни о чём, которые тогда казались всем. И финал, о

котором я узнал слишком поздно и от чужих людей.

Я провёл большим пальцем по экрану, перечитывая сообщение ещё раз, будто текст мог измениться.

Не изменился.

Ничего не изменилось.

Кроме всего.

— Игорь! Вставай, оглобля!

Голос матери ударил из коридора резко, без паузы, без подготовки — так, как он делал это сотни раз раньше.

И именно поэтому я замер.

Тело отреагировало раньше мысли.

Сердце резко ускорилось, будто пытаюсь пробить грудную клетку изнутри.

Я не двинулся.

Не ответил.

Не повернул голову.

Потому что в этот момент возникла простая, почти детская, но абсолютно парализующая мысль:

Если я сейчас её увижу — это станет окончательно реальным.

А пока не вижу — ещё можно притвориться, что это ошибка.

Сбой.

Сон, который слишком затянулся.

— Я два раза повторять не буду! — голос стал ближе. — Последний звонок проспичь, горе ты моё!

Шаги.

Знакомые до боли.

Слишком точные, чтобы быть иллюзией.

Дверь распахнулась.

Я всё-таки повернул голову.

Она стояла в дверном проёме — не как воспоминание, не как образ, вытщенный из памяти, а как живая, упрямая, абсолютно настоящая реальность, которая не спрашивает разрешения, можно ли ей существовать. Секунду назад у меня ещё оставалась возможность сомневаться. Списать всё на перегрузку сознания, на остаточные галлюцинации умирающего мозга, на любой из тех сценариев, которыми человек защищает себя от невозможного. Но её присутствие перечёркивало всё. Не оставляло лазеек. Не давало спрятаться. Я смотрел на неё и с какой-то болезненной ясностью отмечал детали, которые в прошлой жизни давно перестал замечать: как неаккуратно заколот волос, как тонкая прядь выбилась и прилипла к виску, как рукав халата чуть съехал, оголив запястье с тонкой, почти прозрачной кожей. Всё это было слишком конкретным, слишком телесным, чтобы быть сном. Она была здесь. И от этого внутри поднималось не облегчение — страх. Потому что вместе с этим возвращалось всё остальное. Кухня, утренние разговоры, её привычка ворчать из-за мелочей, её смех, который я в какой-то момент перестал слышать, потому что был занят чем-то «важным». И дальше — то, чего я старательно не трогал даже в мыс-

лях: больницы, звонки, чужие голоса, формальные слова, которыми обозначают конец. Я не сделал ни шага. Не потому что не хотел. Потому что не мог сразу решить, что делать с этим расстоянием между нами. Оно вдруг стало чем-то значимым. Переходом. Если я подойду — это перестанет быть сомнением. Станет фактом.

— Ты чего застыл? — в её голосе уже проскользнуло раздражение, привычное, бытовое, не имеющее никакого отношения к тому, что происходило у меня внутри.

— Я тебе какой раз говорю, не зависай с утра, у тебя сегодня линейка.

Она говорила как всегда. И именно это ломало сильнее всего. Потому что в её мире ничего не произошло. Ни потеря, ни лет, ни той пустоты, с которой я жил последние годы. Она была в точке, где всё ещё целое. А я — нет. Я сделал шаг. Потом ещё один. Каждое движение давалось странно тяжело, как будто тело не доверяло происходящему и требовало подтверждений, которые невозможно было получить заранее. Она смотрела на меня уже внимательнее, с той самой материнской настороженностью, которая появляется, когда поведение ребёнка вдруг выходит за рамки привычного.

— Игорь?..

Я протянул руку — медленно, почти осторожно — и в какой-то момент поймал себя на том, что боюсь дотронуться. Это было иррационально, но абсолютно реально. Страх не того, что её не окажется. А того, что она окажется. Что это не

исчезнет. Что придётся жить с этим знанием дальше. Пальцы всё-таки коснулись её плеча. Ткань оказалась тёплой, чуть шероховатой, с тем самым ощущением застиранности, которое невозможно подделать. Под тканью — живое тепло тела, едва заметное движение, дыхание. Никакой иллюзии не могло выдержать такой проверки. И в этот момент что-то внутри окончательно сдвинулось. Не сломалось — именно сдвинулось, как если бы долго застрявший механизм вдруг пришёл в движение. Я притянул её к себе. Резче, чем собирался. Сильнее, чем нужно. Без всякой осторожности, которая ещё секунду назад казалась необходимой. Обнял. И в этом жесте не было ни подростковой неловкости, ни привычной ленивой близости, которая раньше казалась естественной. Это было что-то другое — почти отчаянное, лишённое контроля, с внутренней необходимостью удержать, зафиксировать, не дать исчезнуть. Она вздрогнула. Я почувствовал это сразу — по тому, как напряглось её тело, как на мгновение остановилось дыхание.

— Ты чего?..

Вопрос прозвучал уже не раздражённо. Растерянно. Я не ответил. Потому что любые слова в этот момент звучали бы фальшиво. Я просто стоял, уткнувшись лицом в её плечо, и вдыхал запах, который когда-то был фоном, а теперь обрушился целиком, со всеми слоями — лак, еда, чистое бельё, что-то едва уловимое, что невозможно назвать, но невозможно и перепутать. Запах дома. Запах времени, которое я

прожил и потерял. Память накрыла не картинками — ощущениями. Вечера на кухне. Её голос из другой комнаты. Свет из окна, падающий на стол. Её привычка поправлять мне воротник, когда я спешил и раздражался. И то, что пришло потом. Слишком резко. Слишком поздно. Я сжал её сильнее. Почти до боли. Как будто пытался компенсировать все те моменты, когда не обнимал, не слушал, не замечал. Как будто у этого жеста была возможность что-то изменить задним числом.

— Мам — голос сорвался, и я не стал его контролировать. Она замерла. Руки легли мне на спину не сразу — сначала неуверенно, потом крепче, уже осознанно, как будто она приняла решение не разбираться сейчас, а просто ответить.

— Ты чего сегодня такой?.. — тише, почти шёпотом. И в этой интонации не было ни раздражения, ни шутки. Только тревога. Я понял, что ещё секунда — и я не удержусь. Что сейчас начнёт вылезать всё: и страх, и боль, и то, что я даже самому себе не проговаривал. Я резко отпустил её. Сделал шаг назад. Слишком быстро, чтобы это выглядело естественно.

— Всё нормально, — сказал я, не глядя ей в глаза. — Просто не выспался.

Фраза прозвучала чужой. Пустой. Но она кивнула. Потому что в её мире это было достаточно. Пока достаточно.

Я прошёл мимо неё на кухню, чувствуя, как спиной ловлю её взгляд — долгий, внимательный, уже не совсем спокой-

ный. Он не отпускал. Я почти физически ощущал его между лопаток — как тонкую, едва заметную линию напряжения, которая тянулась за мной, пока я делал эти несколько шагов до стола, до табуретки, до той самой привычной точки, где раньше всё было простым и понятным. Кухня встретила меня не новизной — наоборот, пугающей точностью совпадения. Ничего не изменилось. Клеёнка с выцветшими цветами, в одном углу чуть приподнятая, потому что край давно отклеился. Табуретка, которая предательски покачивается, если сесть не под тем углом. Тарелка — та самая, с еле заметным сколом по краю, который я когда-то сам оставил и потом получил за это выговор. И еда. Сосиски, чуть лопнувшие, с выступившим соком. Горошек, аккуратно выложенный сбоку, как будто в этом была какая-то необходимость, как будто порядок на тарелке мог хоть как-то повлиять на порядок в жизни. Я сел медленно. Осторожно. Словно боялся, что если сделаю что-то резко — картинка дрогнет и развалится. Взял вилку. Пальцы всё ещё не до конца слушались, и это раздражало сильнее, чем должно было — потому что это было единственное, что хоть как-то связывало меня с привычной реальностью: тело должно подчиняться. Я наколол кусок сосиски и поднёс ко рту. И замер. Не из-за вкуса. Из-за памяти. Она не пришла — она накрыла. Вечера. Тот же стол. Тот же свет из окна, падающий под углом. Отец заходит с работы, тяжело опускаясь на стул. Мать ставит перед ним тарелку. Он что-то бурчит, включает телевизор, комментиру-

ет новости так, будто от этого что-то зависит. Я сидел здесь сотни раз. Ел эту же еду. Слушал те же голоса. И не запомнил ничего. Потому что считал, что это — навсегда. Я медленно откусил. Вкус оказался слишком настоящим. Не тем, к которому я привык за последние годы — обезличенным, стерильным, лишённым текстуры. Здесь было всё: соль, жир, тепло, даже лёгкая неидеальность, которая раньше раздражала, а теперь вдруг стала доказательством жизни. Я жевал медленно, почти сосредоточенно, как будто от этого зависело, удержится ли этот момент или рассыпется. И в этот момент щёлкнул замок. Звук был тихим. Обычным. Но внутри он отозвался так, будто кто-то резко натянул струну. Я замер. Не повернул голову. Сердце вдруг стало биться чаще, чем требовалось для простого движения. Шаги в прихожей. Тяжёлые. Уверенные. Я знал этот ритм. Слишком хорошо. И именно поэтому не спешил оборачиваться. В голове всплыла другая картина — не эта кухня, не этот свет, не этот момент. Платформа. Серая плитка. Слишком неподвижное тело. Люди вокруг, которые уже ничего не могут сделать, но продолжают стоять, потому что уходить неудобно. Чужие голоса. И ощущение, что ты опоздал. Навсегда. Не несколько минут, не несколько слов, на целую жизнь. Я сжал вилку сильнее. Металл неприятно впился в пальцы, возвращая в текущий момент. Дверь открылась.

— О, выпускник проснулся!

Голос. Тот самый. Густой, уверенный, с лёгкой насмеш-

кой, за которой всегда пряталась требовательность. Я поднял голову. И на секунду всё перестало складываться. Потому что память и реальность не совпали. Память говорила: его нет. Реальность стояла в дверях. Отец вошёл, как обычно — быстро, без лишних движений, уже думая о следующем шаге. Куртка нараспашку, в руках папка, под мышкой чертежи. На ткани — пятна, которые не отстирывались годами и давно стали частью его образа. Он был живым. Не «как живой». А живым. С дыханием. С движением. С тем самым присутствием, которое невозможно воспроизвести или придумать. Я смотрел на него и не мог сразу соединить это с тем, что знал. Слишком сильное расхождение. Как будто две версии реальности наложились друг на друга и не хотели совпадать.

— Ну что, Игорёк, — он бросил папку на тумбочку, — прощаешься с детством сегодня?

Слова доходили с задержкой. Я слышал их, но смысл складывался не сразу. Я смотрел на его лицо — на морщины, которые только начинали намечаться, на кожу, ещё не тронутую тем, что будет потом, на глаза, в которых не было ни усталости, ни той тяжести, которую я запомнил в последние годы. Он был в точке, где всё ещё можно исправить. И от этого становилось почти невыносимо.

— Смотри мне, в МГТУ надо на бюджет проходить, — продолжал он, уже проходя дальше, не замечая, что я не отвожу от него взгляда.

— Инженер — это хлеб. На всю жизнь хватит.

Я слушал. И не слушал. Потому что за этими словами слышал другие — те, которые так и не были сказаны. Вопросы, которые я не задал. Разговоры, которые отложил «на потом». И это «потом» так и не наступило.

— Пап — слово вырвалось само. Он остановился. Повернулся ко мне. И посмотрел внимательнее. Не как обычно. Чуть дольше. Как будто уловил в голосе что-то, что не вписывалось в привычную картину. Я хотел сказать больше. Гораздо больше. Сказать про больницу. Про сердце. Про то, что нужно проверить. Про то, что есть время — сейчас есть. Но между мыслью и словами встала стена. Потому что любое конкретное знание требовало объяснения. А объяснить я не мог. Не сейчас. Не так.

— Я — я сделал вдох, стараясь выровнять голос. — Я поступлю.

Он хмыкнул. Но не отвернулся.

— И — я на секунду замолчал, подбирая слова, которые не разрушат всё сразу. — Я сделаю так, чтобы тебе не пришлось так вкалывать.

Тишина повисла буквально на мгновение. Но в этом мгновении что-то изменилось. Он посмотрел на меня чуть иначе. Не с привычной иронией. С интересом. Коротким, едва заметным — но настоящим. А потом рассмеялся. Громко. Как всегда.

— Ну ты загнул, — он хлопнул меня по плечу, чуть силь-

нее, чем нужно. — Сначала физику сдай, стратег.

Но в этом смехе уже не было полной уверенности. Я это почувствовал. И это было первым, почти незаметным сдвигом.

— Ладно, я побежал, смена горит. Мать, к вечеру буду!

Он развернулся так же быстро, как пришёл. Дверь закрылась. Щелчок замка прозвучал слишком окончательно. Я остался сидеть. С вилкой в руке. С остывающей едой. И с ощущением, которое медленно, но неотвратимо оформлялось внутри: это не просто возвращение. Это ответственность. Потому что теперь я знаю. А значит — уже не смогу сделать вид, что не знал. Я опустил взгляд на тарелку. Есть больше не хотелось. Потому что вкус остался. А вот ощущение момента — изменилось. И назад его уже не вернуть.

Я остался один, сжимая в руке телефон. **25 мая 2007 года.** Дата больше не выглядела ошибкой. Она перестала быть цифрами и превратилась в точку отсчёта — холодную, точную, лишённую всякой сентиментальности. Отсюда всё начиналось заново. Или не заново — с того же места, но уже с памятью о том, чем это заканчивается. В голове действительно было слишком много. Не мысли — данные. Графики кризисов, которые ещё только должны были обрушиться. Имена компаний, которые пока никому ничего не говорили, но через несколько лет станут синонимами власти. Матчи, исходы, цифры, которые когда-то были просто фоном, а теперь вдруг приобрели вес инструмента. Знание. Холодное.

Безличное. Опасное. Оно не давало уверенности — оно давало преимущество. И вместе с этим — ответственность, к которой я не был готов даже в сорок два, не то что сейчас.

Я встал посреди кухни и впервые ясно понял: дело не в том, что я «вернулся». Дело в том, что у меня больше нет права жить так же. Потому что в этот раз я знаю, как именно всё ломается. И где. И когда. Но прежде всего мне нужно было дожить до вечера. Не глобальные кризисы. Не будущие миллионы. Не великие планы. А этот день. Конкретный. Грязный. С мелкими, но болезненными деталями, которые в прошлой жизни казались ерундой — ровно до того момента, пока не стали частью того, кем я в итоге стал. Я закрыл глаза на секунду — и сразу увидел. Двор школы. Шум. Смех. Плотное кольцо одноклассников. Стас Бодров. Уверенный, громкий, с этим своим ленивым ощущением вседозволенности, которое в семнадцать лет выглядит как сила, а на самом деле всего лишь отсутствие границ. Бутылка в руке. Щелчок крышки. Газ, который выходит с характерным шипением. И я. Стоящий перед ним. Не сопротивляющийся. Не отвечающий. Просто принимающий. Холодная липкая жидкость, стекающая по лицу, по рубашке, под воротник. Смех — сначала громкий, потом общий, заразительный. И взгляд. Самый важный момент — не унижение. Взгляд. Катя Смирнова. Секунда, в которой она могла отвернуться. Могла не участвовать. Могла просто не смотреть. Но она смотрела. И смеялась. И именно это тогда что-то во мне окончательно

закрыло.

Я резко открыл глаза. Воздуха стало не хватать. Не от страха — от злости. Спокойной. Холодной. Той самой, которая не толкает на истерику, а собирает в точку.

— Нет, — сказал я тихо. Не вслух даже — скорее внутрь. Как фиксацию. Этого не будет. Не потому что я стал сильнее. Потому что теперь я знаю, как это происходит. А значит — могу изменить.

Я подошёл к шкафу и распахнул дверцу. Скрип. Тот самый, который раньше раздражал, а теперь вдруг прозвучал как подтверждение: всё на своих местах. Костюм висел там же. Дешёвый. Синтетический. Слегка блестящий на свету — так, как блестят вещи, которые пытаются казаться лучше, чем они есть. Я провёл пальцами по ткани. Жёсткая. Неприятная. Она действительно «ломала» кожу — я это помнил слишком хорошо. Я снял его с вешалки, на секунду задержав взгляд. Смешно. Тогда мне казалось, что это важно — как я выгляжу, кто на меня смотрит, что обо мне думают. Теперь это выглядело иначе. Но отказаться от этого я не мог. Пока — нет. Я надел рубашку, застегнул пуговицы, чувствуя, как ткань ложится на тело, к которому я всё ещё не до конца привык. Завязал галстук — не с первого раза, пальцы чуть сбились, но быстро нашли нужное движение. Зеркало. Я посмотрел на себя. Тот же подросток. Те же черты. Но взгляд — другой. Слишком тяжёлый для этого лица. Слишком внимательный. Слишком взрослый. Это могло стать проблемой.

И станет. Но позже. Сейчас — не важно. Я слегка поправил воротник, провёл ладонью по волосам, пытаюсь привести их в порядок, и коротко усмехнулся.

— Ну что, 2007-й -Голос прозвучал тише, чем я ожидал, но в нём не было сомнения.— Посмотрим, кто здесь на самом деле хищник.

Я вышел из квартиры. Дверь за спиной закрылась с глухим, знакомым звуком. И в этот момент что-то внутри окончательно встало на место. Не понимание. Не план. Скорее состояние. Как перед дракой, исход которой ты уже однажды видел — и знаешь, где именно будет удар. Лестничная клетка встретила запахом табака, сырости и старой краски. Я спускался медленно, почти осознанно фиксируя каждый шаг, каждую ступень, каждое ощущение, как будто пытался заново прописать в памяти маршрут, который когда-то прошёл на автомате. Слишком много было упущено тогда. Слишком много прошло мимо. Сейчас — не пройдёт. Я толкнул подъездную дверь и вышел наружу. Свет ударил в глаза. Город жил. Обычный, шумный, несовершенный. Не подозревающий, чем для меня он уже однажды закончился. Я сделал шаг вперёд. И в этот момент впервые за всё утро появилось не воспоминание, не страх и не растерянность. Ожидание. Потому что где-то впереди уже собиралась сцена. Смех. Кольцо людей. И тот самый момент, который раньше стал точкой падения. Теперь — точка выбора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.